

А. ЧЕБЫКИН

НАСЛЕДНИКИ КАЗАЧЬЕЙ СЛАВЫ

18+

Александр Чебыкин
Наследники казачьей славы

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Чебыкин А. Ф.

Наследники казачьей славы / А. Ф. Чебыкин — «ЛитРес:
Самиздат», 2004

Повести, составляющие книгу, основаны на трех этапах заселения Кубани и защиты южных границ России: хоперскими (донскими) казаками – с 1777 года (повесть «Челики»), черноморскими – с 1792 года («Дегтяри») и днепровскими казаками – с 1862 года («Коломийцы»). Сведения, на которых строится повествование, взяты из семейных архивов и личных рассказов героев книги, поэтому возможно расхождение с данными официальных архивов.

Содержание

ЧЕЛИКИ	5
ПОД СЕРДЦЕМ РОССИИ	5
МОЗДОКСКАЯ ЛИНИЯ	6
КАВКАЗСКАЯ ЛИНИЯ	7
ЛАБИНСКАЯ ЛИНИЯ	8
ЯРОСЛАВСКАЯ	10
ЗАКАСПИЙСКИЙ ПОХОД	11
ИЗЛОМЫ СУДЬБЫ	15
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ОГНЕ	16
ПОЕДИНОК	17
ТЕРЕКЛИ-МЕКТЕБ	19
РАЗВЕДКА	20
НА РОСТОВ	22
ТАГАНРОГСКИЙ И МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ РЕЙДЫ	23
ПЕРЕКОП	24
НА НИКОПОЛЬ	25
ОДЕССА	26
БЕЛОРУССИЯ	27
БОИ НА ВЕНГЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ЧЕЛИКИ

ПОД СЕРДЦЕМ РОССИИ

Небольшая деревушка Челики на одном из бойких притоков реки Хопер. Основное занятие местных казаков – изготовление небольших, легких, вертких лодок-долбленок – челиков. Им-то и обязана деревушка своим названием. Зимой в эту работу включались все от мала до велика: тесали, долбили, стругали; по весне смолили, подсушивали в тени, а летом сплавляли на базар в Борисоглебск. Хотя доход и был, но на прокорм не хватало. Семьи росли, земля же давно была поделена. Шел постоянный приток беглого населения из центральных земель Руси. Парни подрастали и уходили на больших челнах вниз по Хопру на Дон – испытывать судьбу.

Старики в святочные вечера вспоминали о славных делах предков: как Пахом водил казаков к Непрядве – на брань с татарами. Не просто было добраться до верховьев Дона через Рязанское княжество. Тогда рязанский князь Олег занимал двойственную позицию. Приходилось в дневное время прятаться в левадах, а по ночам рысью преодолевать опасные места. Князь московский Дмитрий Иванович обрадовался казакам, но просил в бой не вступать, а порыскать по округе, поразведать о противнике. Эту задачу казаки выполнили с честью. После битвы на Куликовом поле Дмитрий Иванович повелел: «Берите стада мамаевские – сколько угоните. Заслужили!» Казаки смело гнали домой табуны отборных коней через рязанские земли. Олег рязанский притих и проходу не мешал. Русь встрепенулась. Народ готовился к объединению... Казаки вспоминали рассказы о том, как отправляли делегацию в Москву с подношением иконы Божией Матери Хоперской московскому князю Василию II, с подтверждением службы князю московскому и охраны южных рубежей от набегов татар. Весной 1581 года многие казаки присоединились к отряду Ермака, который шел с Поволжья на Каму в услужение к Строгановым. В 1637 году челиковские казаки вместе с донскими участвовали в захвате турецкой крепости Азов, которую хотели подарить московскому царю Михаилу Романовичу, но он не в силах был оказать помощь: после польского нашествия лжецарей Москва еле-еле оправлялась. Помнили и рассказы о Варфоломее – отчаянном казаке, который, проделав подкоп под турецкий лагерь, взорвал запасы пороха. Погиб сам, но и несколько сотен турок взлетели на воздух. Свежа была память и об Азовских походах Петра, когда в 1696 году в составе русского флота штурмовала крепость Азов с моря и сотня хоперских казаков на челнах во главе с Терентием Челиком. Казакам не удалось сохранить вымпел, подаренный Терентию самим Петром. Челиковцы всегда гордились, что их сотня входила в казачий полк, который участвовал в битве со шведами под Полтавой в 1709 году. Сотней тогда командовал Иван Челик. Она прикрывала правый фланг, в бою не участвовала, но когда воины Карла XII смяли Калужский полк, Петр подскакал к казачьему запасному полку и прокричал: «Донцы! За землю Русскую, за Отечество! Вперед! За мной!» Донцы вместе с Нижегородским батальоном спасли положение, выровняли фланги, обратили шведов в бегство. После сражения погнались за изменником Мазепой. Тогда же хоперцам была поставлена задача прикрывать южные рубежи России от набегов крымских татар и горских народов по засечной линии Воронеж, Самара, Челябин. При матушке Екатерине, после войны с Турцией 1768–1774 годов, Российская империя расширилась на юг. Граница стала проходить по Кубани и Тереку.

МОЗДОКСКАЯ ЛИНИЯ

В 1777 году хоперцы получили указ императрицы двигаться на Кавказ: обживать Моздокскую линию от Байбалы до Егорлыка. Покидали обжитые гнезда и челиковцы. Особой печали не испытывали: Екатерина щедро раздаривала земли дворянам, поэтому угодя челиковцев сокращались с каждым годом. Негде стало пасти табуны лошадей и заготовливать корм на зиму. Хоперцы неохотно занимались хлебопашеством – считали это дело зазорным. Казак не мужик – за сохой ходить не любит. То ли дело с табуном в поле воля! Одно угнетало на новом месте – нет леса. Кругом степное раздолье, лишь по овражкам кривые деревца бересклета и акации. Не только дома настоящего не построить, но и баньки. Возили лес за сотни километров и умудрялись строить дома в заплот. Хотя снаружи и обмазывали глиной, но зато не хатенка из кизяка получалась, а изба. Для бань рыли у ручьев землянки, накрывали дерном, клали печь-каменку. Накаляли гали докрасна и парились до очумения, выстегивая веником мороз и продувные простудные ветры из тела. Шла постоянная борьба с горцами, которые зачастую угоняли стада хоперцев. Пришлось заниматься и хлебопашеством. Это было надежнее: если посев не вытопчут, то семья обеспечена на год своим хлебом.

Жизнь была полна тревог и лишений, и все-таки донцы и хоперцы потихоньку обживались на новом месте. Возвели крепости: Северскую, Московскую, Донскую, Ставропольскую. В Ставропольской размещался штаб Кавказского корпуса. По договору с Турцией 1783 года Кубань была признана границей между Турцией и Россией. Моздокская линия оказалась внутри русских пределов.

КАВКАЗСКАЯ ЛИНИЯ

В 1786 году по предложению князя Потемкина создавалась Кавказская линия от Тамани до Дербента. Предполагалось западную часть заселить черноморскими казаками с Днестра, центральную часть – хоперскими, донскими и волжскими казаками, а восточную – терцами, и укрепить ее регулярными войсками. В 1792 году на Кубань передвигается Черноморское войско верных казаков из бывшей Запорожской Сечи. Донцам и хоперцам Моздокской линии предложили переселиться на новую – Кавказскую. Измученные бесконечными скитаниями, казаки отказались. Три переезда за тридцать лет, постоянные стычки с горцами так и не дали освоить новую землю и пустить на ней прочные корни. Только-только обустроились, обзавелись хозяйством. Поэтому было принято решение переселять лишь добровольцев и небольшое количество по жребию, подключая переселенцев из центральных районов России. Челиковцы при всех переселениях держались вместе. И на этот раз решили добровольцев не пускать, только тех, кто попадет под жеребьевку, а то распадется род Челиковых и исчезнет память о былой славе.

В 1794 году донцы расселились по Кавказской линии и образовали станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориполисскую, Темнолесскую и Воровсколескую, которые стали быстро обживаться. Климат был благодатный. Шло массовое заселение этих станиц казаками с Дона. В 1802 году на Кавказскую линию пришли екатеринославские казаки и образовали станицы Ладожскую, Тифлисскую, Темижбекскую и Воронежскую. По указанию Александра I в 1819 году началось массовое переселение на Кубань казаков с Дона. По настоянию генерала Ермолова в 1826 году хоперцы были переселены с Моздокской линии и образовали станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую, Бекешевскую, Карантинную. Челиковцам выпал по жребию Невинномысский редут. В 1832 году из разных кавказских полков было сформировано Кавказское линейное войско.

ЛАБИНСКАЯ ЛИНИЯ

В 1832 году проектом командующего Кавказским корпусом графа Паскевича было предложено селить по Кавказской линии всех желающих из центральных губерний России. Генерал Засс начал теснить горцев с верховьев Кубани на Лабу, очищать пространство между Кубанью и Лабой и возводить укрепления – Зассовское, Махошевское, Темиргоевское. Создавались станицы Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская, Урупская. На базе этих укреплений и станиц формировался Лабинский линейный полк.

В 1840 году было принято решение передвинуть Верхнюю Кордонную линию с Кубани на Лабу.

Весной 1843 года трехтысячный отряд закубанских горцев напал на станицу Бекешевскую, но был отбит отрядами линейных казаков во главе с подполковниками Круковским – впоследствии атаман Кавказского линейного казачьего войска – и Львовым. В составе казачьих отрядов находились четыре сотни хоперцев. Одной из сотен командовал Челиков Александр Спиридонович, потерявший правую руку еще в 1828 году – при взятии русскими войсками крепости Нахичевань.

В Крымской войне 1853-1856 годов против коалиции Турции, Великобритании, Франции Кавказский корпус действовал в азиатской части Турции, в боях на Башкадыкларском и Курдюаринском направлениях, в осаде крепости Карс и взятии ее. И снова челиковцы отличились. Половину взвода, которым командовал хорунжий Челиков Василий Александрович, составляли его однофамильцы. При штурме Карса взвод первым ворвался в крепость, захватил пушки и открыл из них огонь по противнику. Раненный осколком мины в бедро, Челиков продолжал руководить боем, пока не потерял сознание. В роду Челиковых была удивительная особенность: почти всегда первым рождался сын, а затем шли одни девчата, и хотя казак-челиковцам пуль и осколков от мин и снарядов доставалось предостаточно, но старуха с косою обходила их стороной, оставляя семя для продолжения рода.

Когда после госпиталя Василий Челиков вернулся в станицу, то чувства радости испытать ему не довелось. Много казаков-хоперцев, в том числе и Челиковых, не вернулось домой. Хаты покосились, солому с крыш скормили скоту в суровые и затяжные зимы. Начался падеж скота. Дети голодали.

В 1856 году командующий Отдельным Кавказским корпусом князь Барятинский привел к покорности абадзехские племена, на реке Белой заложил Майкопское укрепление и предупредил атаманов верхних станиц быть готовыми к переселению на земли между Кубанью и Лабой. Пошли жалобы, начались возмущения казаков: только что окончилась война, подворья разорены, многие казаки сложили свои головы. Было дано указание заселение вести только добровольцами и солдатами расквартированных полков с правом вызова семей из России, а также привлекая переселенцев из центральных губерний России. Василий Челиков решил съездить на предлагаемое к переселению место и посмотреть: а может, там лучше будет... Тут хотя и земля плодородная, и набеги горцев стали более редкими, но надоело зимой обогревать соломой и кизяком слепленную хату с глиняным полом. Пока топишь – тепло, перестал топить – холод лезет во все щели. Деревя доброго не найдешь даже на черенок к косе или граблям.

Переехав Кубань и приближаясь к Лаббе, Василий видел по склонам оврагов и речушек заросли акации, тополя, дуба, клена, орешника, огромные стволы диких яблонь и груш, а за Лаббой – сколки соснового бора. Бойкие горные речки с шумом и грохотом несли свои воды в Лабу. Василий слез с коня, расправил широкую грудь, большие серые глаза заискрились радостью. В реке в лучах солнца играла рыба, идущая на нерест с верховьев. Земля была не такая жирная, как в Невинномысской, но по разнотравью можно было определить, что хлеб будет родить. Вернулся, рассказал о новой земле. Некоторые семьи Челиковых согласились пере-

ехать сразу, не ждать жребия, а другие, наоборот, говорили: «Куда поедem? Здесь прижились, дочерей тут замуж выдавали, родители на кладбище лежат. Куда от них поедem? Кто их могилки навестит?»»

ЯРОСЛАВСКАЯ

В 1860 году командующим войсками Кавказской линии и Черномории стал генерал Евдокимов, который торопил с заселением земель между Кубанью и Лабой. В том же году произошло объединение черноморцев и части линейцев в одно войско – Кубанское казачье.

А в 1861 году обоз хоперских добровольцев под охраной казаков Лабинского полка направился на Лабу. Среди других хоперских казаков было и две семьи Челиковых. Для новой станицы выбрали место у впадения речушки Фарс в Лабу – рядом с кордоном, на котором размещался батальон Ярославского полка. Решили сначала срубить временки, а потом, на усмотрение семьи, можно и хоромы возводить. Застучали топоры, падали вековые деревья... Так рождалась новая станица – Ярославская. Казаки радовались: наконец-то будут добротные дома, как когда-то в верховьях Хопра, из сосновых, солнечных бревен. Лес переселенцам под строительство выдавался бесплатно, с условием, что будут вырубать все подряд, а пни выкорчевывать и сжигать, чтобы в дальнейшем использовать освободившуюся землю под дороги и пашню.

Василий Александрович Челиков прибыл на новое место с большой семьей: три дочери и годовалый сын Иван.

В 1864 году произошло замирение горцев по всему Северному Кавказу.

На новом месте потихоньку обживались. Иван, на радость родителям, рос крепким парнем. Девчата заглядывались на ладного казака с копной жестких русых волос. Нос с горбинкой указывал на крутой характер, сталистые глаза выражали хладнокровность и твердость, в плечах – косая сажень.

На освободительную войну 1877–1878 годов не взяли: отец – инвалид, а Иван – единственный сын в семье. Без него Василию Александровичу управляться по хозяйству было невозможно: раздробленная кость срослась неровно, и нога напоминала о себе на пашне и покосе. Младшему Челикову было стыдно перед сверстниками, вернувшимися из Болгарии с наградами на груди и денежными поощрениями. Он с завистью слушал их рассказы о походах, битвах, сражениях и представлял, как сам скачет на коне, выполняет особо опасные задания, стреляет, рубит шашкой... Отец видел, как горят глаза Ивана в такие минуты. «Что поделаешь, казачья кровь!» – вздыхал Василий Александрович. Дочери подросли, и Челиков-старший стал хлопотать за сына, чтобы и он смог послужить Отечеству и с гордостью носить звание казака Хоперского полка, положившего основу Кубанскому войску.

ЗАКАСПИЙСКИЙ ПОХОД

В 70-90 годы XIX века Россия расширяет свои владения в Средней Азии, присоединяя враждующие между собой ханства. 28 августа 1879 года русские войска потерпели поражение от туркменского племени текинцев при крепости Геок-Тепе. Ко второму походу готовились более основательно, с привлечением казачьих соединений.

На Кубани в это время шло формирование двух казачьих полков: Таманского и Полтавского – для отправки в новый поход в закаспийский край. Ивана определили в Таманский полк.

В мае 1880 года в районе Астрахани переправились через Волгу на паромах. За Астраханью примкнуло два полка волжских казаков. В Гурьеве присоединился полк «бородачей» – уральских казаков, а также два полка регулярных войск. Сводный корпус из семи полков под командованием генерала Скобелева, героя Балканской войны, по берегу Каспийского моря двигался к югу. Воды в колодцах не хватало. От жары гибли кони. Люди начали болеть лихорадкой. Пробовали рыть колодцы, доходили до воды, но она была горько-соленой, хуже, чем в море. Пришлось вернуться в Гурьев. Здесь простояли до осени. Решили идти в зимний поход, хотя от местных жителей знали, что в это время года бывают сильные пыльные бури, зачастую со снегом. Генерал Скобелев распорядился скупать выючных верблюдов: для них не надо запасаться кормом, верблюды сами его находят и могут неделю обходиться без воды. Кочевники, прослышав, что русские скупают верблюдов, стали пригонять небольшие стада. Отбор шел тщательный: старых животных, не брали, но и слишком молодых браковали, потому что они еще не приобрели навыки нахождения в пустыне. Было решено два полка казаков – один из двух кубанских и Уральский – оставить на лошадях. Остальные полки посадили на верблюдов. Конным казакам, чтобы не переутомлять коней, разрешалось быть в седле не более трех часов, остальное время идти рядом с конем, держась за стремя. Во второй половине октября, как только спала жара, двинулись в поход. Впереди – разведка, за нею – инженерный батальон, который разыскивал и приводил в порядок колодцы. Вокруг тянулись бесконечные солончаки... Верблюды легко отшагивали по укатанным ветром мелким барханам. В начале декабря 1880 года русские войска вышли к отрогам Копетдага. Погода стояла теплая, ровная. Ивана удивлял пейзаж. Молодой казак привык к буйству зелени и красок кубанской земли, а тут, куда ни глянь, лишь голые камни и скалы. Кругом – ни души, только кружит в небе орлан, да слышен шорох змей под ногами. Тушканчики смело выглядывают из своих нор, то тут, то там суслики как столбики... Когда двигались вдоль моря, кроме ядовитых пауков, забирающихся по ночам на стенки палатки, и черепах у отхожих мест, мало кого видели. Правда, разведчики рассказывали о встречах с куланами – животными, похожими на кавказских ослов, только с отвисшей нижней губой. Зато со временем проблема с водой отпала. У подножия гор кое-где попадались ручейки, бьющие из расщелин скал и бесследно исчезающие в каменистом крупном песке, но в бурдюках у казаков теперь всегда была свежая вода. Все чаще встречались ущелья с зарослями саксаула, акации, фисташки, дикого ореха, миндаля и шелковицы. В одном из таких ущелий решили остановиться и отдохнуть. Среди солдат было немало ослабших и больных. Генерал Скобелев решил отправить больных в Россию, но многие воспротивились, сказали, что уж если суждено умереть, то лучше тут, среди своих, чем в голой пустыне.

После трехдневной передышки двинулись вдоль гор на восток. Подкованные лошади смело шли по каменистой почве, но верблюды, которые шустро шагали в пустыне по шиколотку в песке, здесь шли осторожно, чтобы не поранить ноги об острые камни. Пришлось немного отойти от гор в сторону песков.

Однажды разведчики сообщили, что видели на горизонте десятка два всадников в огромных мохнатых шапках. Генерал Скобелев приказал выставить боковое охранение по полусотне казаков и в арьергард сотню, а две батареи переместить в конец колонны, чтобы прикрывали

тыл, – и правильно поступил. На очередном привале только расседлали коней, развьючили верблюдов и расположились у котлов с дымящейся кашей, как сзади, со стороны гор, с гиканьем выскочили сотни две конников. Дозорные заметили их метров за триста. Сыграли тревогу. Пока казаки седлали лошадей, разбирали оружие, батарейцы успели сделать два залпа, но некоторые конники смогли проскочить к бивуаку. Казаки залегли, стреляли с колена, однако их белые рубахи хорошо были видны в темноте ночи. Несколько казаков было порублено. Артиллеристы сделали еще два залпа по скачущим конникам. Две сотни ринулись в атаку, но враги как появились мгновенно, так и исчезли быстро во тьме. Правда, солдаты успели заарканить одного лохматого: его лошадь была ранена, а он не хотел ее бросать и тащил за повод в сторону гор. После этого происшествия генерал Скобелев велел усилить посты и сам ночью несколько раз объезжал лагерь. Чтобы не мерзли, заставлял спать попарно, завернувшись в бурки, а костры после ужина тушить. Допросили пленного. Многие уральские казаки хорошо понимали тюркские языки. Пленный пояснил, что они – текинцы, живут тут по отрогам гор, большинство из них ведут кочевой образ жизни, аулов в горах очень мало, есть поселения – городки около небольших речек, которые летом пересыхают. Текинцы занимаются скотоводством и войнами с соседними племенами за пастбища. Хлеб здесь родит плохо. Там, на юго-востоке, сражаются с афганцами, которые приходят и угоняют их стада. Народ устал от войны, готов присягнуть русскому царю, о нем много слышали, но хан Бек-Мурат и слушать не хочет, призывает под священные знамена Магомета против неверных, у хана будет около десяти тысяч конников, орудия только при крепости Геок-Тепе.

Текинцы стали по ночам досаждать набегами небольшими группами с разных сторон. Генерал хорошо знал эту татарскую тактику, пришедшую со времен скифов. Цель – измотать противника, заманить его подальше от мест снабжения, а затем навязать победное сражение. Пришлось колонну уплотнить к центру, а передовое и боковые охранения выставлять подальше вперед, имея в резерве пару сотен. После стычек с передовыми отрядами текинцы исчезали, как только видели скачущих на помощь казаков. На седьмой день пути, после первой стычки с текинцами, в лучах восходящего солнца увидели на горизонте растянувшуюся от края до края неба вражескую конницу, а на холме позади всадников – минареты мечетей. Генерал Скобелев приказал подготовиться к бою. Объявил по войску, что впереди главная крепость текинцев Геок-Тепе. Для начала генерал приказал выдвинуть батареи вперед и открыть огонь. Скобелев требовал бить по центру, зная, что предводители находятся всегда в середине. В это же время казачья конница должна была наносить удар по правому флангу противника. Следовало сначала по всей ширине двигаться рассыпной лавой, а приближаясь к противнику – смещаться к его правому флангу. Свой левый фланг прикрыть повозками и открыть из-за них залповый огонь по противнику. Казаки выполняли команды быстро и четко, поэтому не прошло и получаса, как после залпов орудий конные массы противников двинулись друг на друга. Наши сотни смещались вправо. Задавили правый фланг текинцев, открыв, таким образом, их левый фланг и дав возможность из-за укрытий вести по ним прицельный огонь.

Иван оказался в середине битвы. У текинцев была своя техника ведения боя: они уклонялись от встречного боя один на один, парами обходили каждого казака справа и слева и только потом ввязывались в рубку. Иван был рослый, широкоплечий, мог рубить как с правой, так и с левой руки, но защищаться сразу от двух противников – непросто. Первая пара текинцев проскочила мимо него. Иван успел выбить саблю у текинца справа, но получил скользящий удар по костяшкам пальцев на сгибе. Кости оголились, но крови почти не было. Перебросил саблю в левую руку. В этот момент наскочила следующая пара, и он с ходу рубанул по плечу противника, текинец упал на шею лошади. Второй текинец нанес Ивану удар по голове, но казак успел пригнуться, и папаха, рассеченная надвое, слетела с головы. Правое ухо болталось на лоскутке кожицы. Иван перегнулся через луку седла, и это спасло его, когда текинец из третьей пары замахнулся саблей. Падая, Иван направил колющий удар в бок противнику. Текинец

свалился под ноги лошади. Другой текинец из этой пары стал разворачивать коня. «Наверное, смерть моя!» – подумал Иван, глядя на искаженное в нечеловеческом оскале лицо, крепче сжал саблю слабеющей левой рукой, прижался к коню... «А ну, земляк, держись!» – услышал он за спиной голос Степана Перепелицы, двухметрового богатыря, одним своим видом вселяющего панику во врага. Злорадный оскал текинца сменился маской ужаса...

Очнулся Иван уже в лагере. Верный конь вынес его из боя. Не видел казак, как дрогнули текинцы левого фланга, неся потери от оружейного огня. Их кони падали вместе с седоками. Задние налетали на передних. Образовался затор. Не слышал залпов оружейного огня, к которым прибавился огонь батарей, переместившихся на левый фланг. Несколько минут длилась встречная атака. Крутилась карусель боя, ржали кони, слышались крики «аллах!» и «ура!». Казаки начали обтекать конницу текинцев слева и справа. Заметив опасность, азиаты стали разворачивать коней и отступать к воротам крепости. Но те закрылись, и сотни две текинцев оказались в западне. Со стен ударила вражеская артиллерия, поражая своих и чужих. Бой затих. Рубка прекратилась. Генерал Скобелев подал сигнал прекратить атаку и отступить от крепости. На измотанных лошадях казаки вернулись к лагерю. Вскоре над крепостью показался белый флаг, но ворота какое-то время еще оставались закрытыми, затем отворились. Выехало трое всадников с белыми флагами. Метрах в трехстах от крепости остановились. Генерал Скобелев делегировал на встречу с парламентарями командира Уральского полка, который хорошо говорил на текинском наречии и прекрасно знал местные обычаи, и двух казаков покрупнее и поприветливее. Текинцы просили разрешения убрать убитых до захода солнца. Делегация согласилась, к тому же среди убитых были и наши казаки. Передали требование генерала Скобелева, чтобы гарнизон крепости сложил оружие и хан со своим народом шел в услужение российскому императору. «Мы гарантируем, что хан останется руководителем своего народа и ему будет оказана честь и военная помощь в случае притязания врагов на его земли. Если не согласитесь, то будем вынуждены обложить крепость и предать ее бомбардировке из орудий. Ответ будем ждать до восхода солнца».

Казаки выбрали место на каменистом холме и похоронили павших в сражении. Тихо потрескивали костры, пахло наваристой кашей, но не слышалось привычных шуток и песен – только стоны раненых, тяжелые всхрапы лошадей да звуки тихой беседы.

Голова у Ивана распухла, рука саднила. В горячке боя не заметил, что правая нога под коленом пробита пулей. Не помнил, как его стащили с коня, перебинтовали голову – ухо пришлось отрезать, очистили руку от пыли, наложили пластырь и сделали тугую повязку. Сапог снять не смогли, пришлось разрезать. Сестричка из медчасти рассказала, что он сопротивлялся, чертыхался, не давал портить «обутку». Рана оказалась сквозной. Нога воспалилась. Крепился, но как только закончили бинтовать, потерял сознание.

Генерал Скобелев не спал. Его приказ об окружении крепости уже был выполнен, пути подвоза продовольствия перекрыты. Ночь прошла спокойно. С восходом солнца генерал приказал дать выстрел из пушки. На стенах крепости ни души. Велел выдвинуть вперед артиллерию, но на такое расстояние, чтобы снаряды из крепости не долетали до нее. Начал обстрел крепости, одновременно пробивая глинобитную стену рядом с главными воротами. К вечеру был разрушен большой кусок стены. С заходом солнца русские войска пошли на штурм с двух сторон: в пролом и на самом низком участке стены. Казаки Таманского полка на всем скаку забрасывали на стены крепости кошки и по веревкам взбирались наверх. Текинцы такой дерзости не ожидали. Они оставили на этом участке стены незначительные заслоны, бросив основные силы к проему. Сотня казаков пробилась к запасным воротам и, перебив охрану, отворила их. С гиканьем таманцы ворвались на улицы крепости, за ними – Полтавский полк. В темноте над дворцом правителя поднялся белый флаг. Хан со своим гаремом стоял на ступенях с поднятыми к небу руками и повторял: «Позор мне, позор!» Командир таманцев прокричал: «Рубку прекратить!»

Текинцы, отступая от главных ворот ко дворцу хана, увидели белый флаг над резиденцией и стали бросать оружие. Трубы заиграли отбой сражения. Подъехал генерал Скобелев, попросил командира Полтавского полка взять под охрану дворец и проследить, чтобы никто не творил бесчинств.

Утром русские полки были выстроены на главной площади крепости Геок-Тепе. Текинцы приносили клятву верности российскому императору Александру II. Генерал Скобелев приказал собрать больных, покалеченных, раненых и обозом в сопровождении двух сотен казаков – по сотне от уральцев и кубанцев – отправить в Россию: легкораненых и больных – верхом на вьючных верблюдах, а тяжелораненых – на бричках. Два месяца ушло на дорогу. Стояла сухая прохладная погода. Обоз двигался на Гурьев по так называемому «Шелковому пути», от колодца к колодцу. Народу теперь было в десятки раз меньше, и воды в колодцах хватало.

Сеченая рана на голове у Ивана быстро заживала, козонки затягивались молодой кожей, но рана на ноге заживала медленно. Нога была как чужая, не слушалась. Сухожилие было разорвано пулей. Пришлось приспособливаться к костылю.

ИЗЛОМЫ СУДЬБЫ

В Екатеринодаре хирурги в госпитале попробовали сшить сухожилия, получилось, но нога постоянно подкашивалась. За плугом ходить было невмоготу. Кто-то посоветовал шорничать. Научился, но радости от работы не получал. Попробовал портняжничать, это дело оказалось по душе. Пошли заказы. Однажды, когда после пошива большой партии черкесок Иван получил немалую сумму денег, отец сказал: «Хватит в бобылях ходить. Смотри, скоро сорок, не только девки, но и вдовы за тебя не пойдут, пора жениться. Есть ремесло – семью прокормишь». Невеста нашлась на той же улице – Зинаида Науменко. Муж не вернулся из закаспийского похода, детей не оставил. Ждала три года, надеялась, а вдруг объявится. Ивану она давно приглянулась. Сосватали. Сыграли шумную свадьбу. Стыдились: оба в годах. Зинаида в 1905 году родила дочь Елену. Когда ходила ею, Иван оберегал, не давал ничего тяжелого поднимать. В 1910 году появился крепыш Савелий. Уже полгода шла первая мировая война, когда 5 марта 1915 года в семье Ивана родился сын Владимир.

Станица пустела. Война требовала новых и новых жертв. Ивана мобилизовали в артель, где такие же пожилые казаки шили форму, которую отправляли на фронт. Революцию в Ярославской встретили спокойно, для них она была где-то очень далеко. Но осенью 1918 года в станице начался переполюх. Стали проходить митинги, собрания. Одни ратовали за новую власть, другие за соблюдение верности присяге и за служение царю-батюшке. Но революция не могла изменить вечных законов жизни. Летом 1919 года у Ивана и Зинаиды рождается дочь Антонида. В лабинских станицах появился генерал Фостиков. Он объявил мобилизацию казаков, даже старших возрастов. За теми, кто не являлся на станичный призывной пункт, приходили ночью и забирали силой. Прихватили и Ивана, хоть и старался он доказать, что не боец – на коня надо подсаживать. Отрубили: «Будешь при обозе ездовым». Привезли в Лабинскую, начали формировать отряд. Ночью Иван сбежал. Ушел в горы на хутор, куда летом выезжали на покос и вывозили ульи на медосбор. Изредка навещался домой за провиантом и одеждой. Осенью 1919 года Иван вернулся. Дети подрастали. Братья Савелий и Володя росли дружно, опекали сестер. Оба рослые, головастые, сероглазые, настырные.

А в это время в станицу пришла советская власть... Иван в колхоз вступать не стал, так и продолжал работать в артели. «Зачем мне жизнь менять? Пожил я уже свое. Пусть вон Савелий да Владимир живут. Теперь их черед пришел», – часто рассуждал Иван, сгорбившись над очередным заказом. Он смотрел на своих сыновей и удивлялся, какие они разные, будто и не братья вовсе. Савелий был спокойнее, рассудительнее. Володя – взрывной, обидчивый, но отходчивый.

Савелий пошел на рабфак, затем окончил Краснодарский педагогический институт, факультет истории и филологии. Взяли на работу в районную лабинскую газету, сначала завсектором, а через три года стал главным редактором. В этой должности и встретил войну.

Володя в 1932 году окончил шестимесячные педагогические курсы в станице Лабинской и был направлен учителем в станицу Зассовскую. Одновременно поступил на заочное отделение Ставропольского педагогического училища, которое закончил в 1936 году. До войны педагоги сельских школ были освобождены от службы в армии, а привлекались для обучения военному делу в летние военные лагеря. В 1937 году Владимира назначили директором начальной школы в станице Баговской Мостовского района.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ОГНЕ

Началась Великая Отечественная война. Владимир Челиков каждый день ездил на велосипеде в Лабинский райвоенкомат. Когда об этом узнали в РОНО, Владимира предупредили: главное для него сейчас – подготовить школу к зиме. Война войной, а дети должны учиться. Когда придет время, его призовут. Владимир нервничал. Да и как иначе? Разве можно спокойно сидеть в тылу крепкому, здоровому парню, когда его сверстники проливают кровь в борьбе с врагом? Друзья присылали с фронта письма, Владимир внимательно анализировал сводки Совинформбюро, поэтому знал положение на фронтах – оно было тревожным.

В октябре 1941 года Владимиру Челикову пришла повестка в военкомат. Отправили в город Кировоград, в кавалерийскую школу. Володя хоть и вырос в казачьей станице, но на лошади толком сидеть не мог. Своего коня у них не было, а на соседском разве научишься, да и когда, если все детство помогал отцу и братишке зарабатывать на жизнь. Поначалу курсант Челиков падал с лошади, разбивал лицо, травмировал руки и ноги. Но не сдавался, всячески обихаживал своего четвероногого напарника и к концу второго месяца занятий стал чувствовать, что он и лошадь – единое целое.

По окончании кавалерийской школы рядовой Владимир Челиков был направлен в Элисту, в сформировавшуюся 110-ю калмыцкую дивизию. К весне 1942 года дивизия была сформирована и брошена на Дон. Передвигались по безводной Сальской степи. Сушь. Ранняя весна. Трава пытается пробиться к солнцу. Она еще так мала, что голодные кони не могут ее ухватить и грызут молодую зелень вместе с корнями и землей. От бескормицы начался падеж. Начальник контрразведки капитан Журавлев предупредил: за погибшую лошадь – под трибунал. Однажды под вечер командир отделения отправил рядового Челикова с бурдюками к колодецу, Днем за водой ехать было бесполезно: десятки солдат стояли в очереди и без конца опускали ведро на длинной веревке, к середине дня черпали густую грязь. Солнце садилось за горизонт. Челиков ехал сначала по выбитой в песке тропе. С закатом солнца практически мгновенно наступила темень, на расстоянии трех метров ничего не видно. На беду, небо затягивали плотные облака.

Владимир знал, что примерно через полчаса езды должен быть колодец. Но прошло уже около часа, а на колодец он так и не наткнулся. «С тропы сбился!» Обратно не поехал, боясь заблудиться в пустынной степи. Улегся спать на голой земле. Перед рассветом похолодало. Владимир продрог, вскочил, стал бегать вокруг лошади. Вдруг услышал, что-то булькнуло. Пригляделся и в предрассветных сумерках, увидел, что спал на краю колодца. Судьба спасла его от беды: еще пара шагов – и он вместе с лошадейю полетел бы в широкое устье десятиметрового колодца.

В июле – августе 1942 года Владимир Челиков отступал по той же выгоревшей степи к калмыцким пескам.

ПОЕДИНОК

Поступил приказ занять оборону за селением Червлёные Буруны, чтобы перекрыть дорогу на Терекли-Мектеб, – и ни шагу назад. Местность изобиловала солончаками. Коней отвели подальше в тыл, чтобы не попали под огонь вражеской артиллерии. Ширина обороны для полка была определена в пять километров. Два дня рыли траншеи в осыпающемся песке. Окопы вырыли в полный профиль. Но цепочка солдат в окопах оказалась жиденькой. Второй линии обороны не было. В резерве – один конный эскадрон.

Около полудня появилась немецкая колонна. Над окопами взвилась красная ракета. «К бою!» Фашисты двигались нагло, без боевого охранения и разведки.

Челиков за полгода наступлений и отступлений дослужился до ефрейтора и был первым номером ПТР. Он еще зимой отморозил ноги, и сейчас даже радовался, что сидит в окопе, а не идет по пыльной дороге. В полку коней оставалось на два эскадрона, и передвигаться приходилось в основном пешком, таща с напарником – другом Иваном Охлопьевым – на плечах ПТР. Патронов к ружью было десять, а немецких танков – более двух десятков, да и солдат за ними виднелось не менее батальона. Танки пошли на окопы в обход. Свернув с укатанной дороги, они замедлили ход, стали вязнуть в песке, но упорно двигались вперед. По цепи передали: пэтээрщикам беречь патроны, танки подпускать как можно ближе. Танк, двигавшийся на окоп, в котором сидели Иван и Владимир, вырвался вперед. Челиков долго целился, и когда стали четко видны траки гусениц – выстрелил. Танк дернулся, развернулся влево и замер. Но за ним шел второй, а следом, тяжело передвигаясь по песку, показалась немецкая пехота. Заработали наши пулеметы. Пехота залегла, но танки продолжали ползти. Вторая машина, прикрываясь подбитым танком, открыла огонь по окопам. Челиков выстрелил раз, другой... Только после третьего выстрела танк замер и стал погружаться в песок все глубже и глубже. Перед окопами уже замерло до десятка танков. Два из них, подожженные бутылками с горючей смесью, горели у передней кромки окопов.

Остальные немецкие танки устремились на левый фланг, где оборона была прорвана. Челиков стрелял, переносил огонь с одного танка на другой, но снаряды не попадали в уязвимые места, а били по броне. Он загнал последний патрон, когда сбоку перед самым окопом вынырнуло бронированное чудовище. Выстрелил, но снаряд лишь скользнул по броне. Оба солдата, чтобы не быть раздавленными, выскочили из окопа и помчались к бархану, надеясь, что за ним есть спасение. Иван бежал ходко, а Владимир после каждого десятка шагов падал: прожигала боль в ногах. Однако поднимался и снова бежал, пусть несколько шагов, но вперед. Он слышал рев мотора за спиной, видел, как очередь из пулемета прошла друга. Иван остановился, выпрямился, и новая очередь ударила по нему. А Челиков все бежал... И это спасло его: он все время оказывался в мертвой зоне огня танка. Кто знает, сколько бы продолжалась эта игра в кошки-мышки, если бы танк не наскочил на солончак и не погрузился по башню. Танкистам было не до Челикова, им бы самим живыми выбраться, поэтому Владимир успел кое-как добраться до бархана и уползти за него. Лежа на спине, пересохшим ртом хватал воздух, полный пыли и гари. Кто-то над окопами зажег дымовые шашки, и густая пелена накрыла поле сражения. Немного отдышавшись и подобрав винтовку убитого солдата, Владимир направился к левому флангу полка. Оставшиеся немецкие танки и пехота отошли. «Странно, почему они не зашли с левого фланга в тыл полка? – подумал Челиков и тут же отогнал эту мысль: – Нельзя так думать! И слава Богу, что не зашли!» Он видел подбитые и горевшие на поле и над окопами танки, истерзанные и засыпанные песком тела бойцов, с которыми еще вчера на привале шутил и пел старые казацкие песни...

Этот бой дорого обошелся кавалерийскому полку. И штаб, и командир погибли. Командир 1-го эскадрона Назран Сайтов жестоко матерился по-русски, проклиная штаб и командира

полка за бестолковое руководство боем, в результате которого половина полка вместе со штабом погибла. Можно было развернуть полк на участке шириною в два километра и в две линии, ведь было ясно, что танки в сторону от дороги в зыбучие пески не пойдут. И что получилось?! Левый фланг смят и уничтожен полностью, а правый – бездействовал, но помочь ничем не мог. А запасной эскадрон – что он мог сделать против танков?..

Тут в воздухе появилось звено «ястребков» и стало расстреливать танки и немецкую пехоту из пулеметов. Совершив несколько заходов, «ястребки» ушли к Волге. Капитан Сайтов объявил, что командование полком берет на себя. За время сражения бойцы израсходовали боезапас, не было ни пищи, ни воды. Привели коней из укрытия. Все, что можно было найти на поле боя: винтовки, противотанковые ружья, патроны, – собрали и навьючили на коней. Попрощались с убитыми. Могилы рыть было некогда: немцы могли подтянуть резервы и возобновить атаки. Уложили павших в сохранившиеся окопы, засыпали, дали прощальный залп и двинулись на восток.

ТЕРЕКЛИ-МЕКТЕБ

Шли несколько часов, не встречая жилья. Наконец увидели одинокую юрту. Около нее ни скота, ни людей. В юрте нашли старика, который сказал, что это Ногайская степь, а северо-восточнее – безводные калмыцкие пески. Недалеко селение Терекли-Мектеб. Поинтересовались, почему он тут один, ведь немцы рядом, это опасно. Старик ответил: «Сыновья с отарой овец ушли к Волге, а я стар. Тут я родился, здесь знаю каждый овражек, где из земли бьет ручеек, каждая веточка мне дорога. Тут похоронены мои деды и прадеды, моя жена и мои дети, которые умерли в детстве. Куда я от них пойду? Тут буду умирать. Это моя земля, и я с нее не сойду».

Через сутки, голодные, оборванные, три сотни казаков-кубанцев дошли до селения Терекли-Мектеб. Здесь встретили командование 110-й калмыцкой дивизии, которое удивилось, что три сотни солдат вырвались из окружения и задержали немцев на трое суток.

РАЗВЕДКА

Потрепанные казаками у Терекли-Мектеба немцы больше не пытались наступать в этом направлении. Техника увязала в песках Червлёных Бурунов. Противник повернул основные силы на Ай-Куй.

Прошел октябрь, немцы вели ожесточенные бои в Сталинграде, поэтому вынуждены были снять часть сил с кизлярского направления. В начале ноября 110-ю калмыцкую дивизию расформировали. Кубанцев передали в 30-ю Краснознаменную кавалерийскую дивизию.

В ноябре, при двадцатиградусных морозах, задули пронизывающие ветры из-за Каспия. Ноги в ботинках примерзали к подошве. На ночь ботинки снимали, ноги заматывали сеном, поверху стягивали обмотками.

Утром 18 ноября по окопам передали: «Челикова к командиру эскадрона». Владимир вылез из норы, набитой сеном, схватил ботинки, а они смерзлись, на ноги не лезут. Кое-как замотал ноги обмотками, один ботинок сунул за пазуху, а другой отогревал на ходу, дыша вовнутрь. Веселому казацкому нраву никакие трудности и морозы не страшны, поэтому и тут казаки по ходу траншеи заливались хохотом: «Дуй босиком! По пути и штаны сними, немцы как увидят – сразу убегут домой к своим фрау от расстройств!»

Подбегая к командирской землянке, Челиков еле-еле натянул тот ботинок, который грелся за пазухой, а второй не смог – ступню засунул наполовину. Командир заметил это, нахмурился: «Знаю, Челиков, не легко вам сейчас в окопах, обмораживаетесь. Но потерпи, скоро жарко будет и нам, и немцу. Хватит на нарах сидеть. Пора фашисту дать по зубам. Можешь передать бойцам, на подходе из Сибири эшелон с валенками и полушубками. А теперь слушай задачу. Говорят, ты самый шустрый, от танка убежал. Пойдешь со своим отделением в разведку. Постарайся проникнуть как можно дальше. Узнаешь, что там у них за оборона. Сейчас между нами более двух километров. Проверишь тылы, что делается в Червлёных Бурунах. Задача ясна?» Челиков спросил: «В разведку пойдем на конях или пеше?» – «На машине». – «Так нас сразу любой пушкой прибудут». – «А я что, тебя просто так выбрал? Постарайся, чтобы не прибили, используйте фактор внезапности. Но глупостей не делайте, вы должны вернуться живыми, слышишь, Челиков, живыми, это приказ!»

Челиков собрал отделение, пригласил шофера «газона», рассказал о задании и спросил, у кого какие предложения. Шофер, удалой малый, нарушил молчание: «Эх, была не была! Садимся в машину, накрываемся плащ-палатками – и вперед! Наглость города берет!»

Как только солнце спряталось за барханами, на степь опустилась крошечная тьма. Отделение Челикова было готово выступить на задание. Разведка заранее доложила, где находятся стыки немецких частей, – это были наименее укрепленные части обороны. Решили ехать не тропами, которые обычно минировались, а напрямик по дорогам, там стояли дозоры, но их можно было обмануть, не то что мину. Тихо переехали передовую, объехали небольшой поселок. В неярком свете фар увидели немцев. «Ишь, гады, наших баранов да кур тащат!» – кто-то зло прошептал в кузове. Проехали. Фашисты не обратили никакого внимания. Поселок остался позади, все вокруг было тихо. «Ребята, какие же мы дураки, живых языков упустили! – ругнулся один из солдат. – Сами в руки шли, да еще и с баранами». Развернулись, догнали. Выскочили из машины, закричали: «Хальт! Хенде хох!» Немцы опешили, побросали добычу, оружие. Разведчики не растерялись: автоматы в кабину сложили, немцев связали – и в кузов. От них же узнали, что за селом нет обороны, немцы сидят в хатах, а в окопах только наблюдатели. Решили проверить наличие огневых точек в селе. А как? Сняли с выхлопной трубы глушитель и на полной скорости помчались к селу. Немцы выскакивали из хат, кое-кто палил в воздух. Никак не могли понять, чья машина, тем более со стороны тыла, подумали, что какой-то пьяный шофер веселится. Промчались через передовую линию противника и перед нашими око-

нами стали палить зелеными ракетами, чтобы не перестреляли свои, хотя охранение и было предупреждено, что разведка будет возвращаться на машине. И все равно стреляли, несколько пуль попало в кузов. Но все обошлось. Захваченные языки рассказали, что на этом участке оборону занимает немецкий батальон, а тыловые части состоят из румын.

На другой день, рано утром, южнее началась артподготовка против основных сил противника. Разведывательный эскадрон, в котором служил Челиков, первым проскочил окопы и обошел селение, перекрывая немцам пути отхода. Околевшие от холода, напуганные внезапным наступлением, немцы поспешно поднимали руки. В селении сопротивление оказали только засевшие в школе гитлеровцы, но поняв, что окружены, сдались.

После короткого боя полк вступил в Карачас. Параллельно 30-й кавалерийской дивизии от Гудермеса вдоль железной дороги двигался 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус.

НА РОСТОВ

20 ноября 1942 года 30-я кавалерийская дивизия приказом Ставки была введена в состав 4-го Кубанского казачьего корпуса. В ноябре же прибыл из Сибири эшелон долгожданных полушубков и валенок, а следом – эшелон монгольских лошадей. Кони были не обьеженные – полудикие.

В декабре 1942 года Челикова из разведки перевели в сформированный 23-й отдельный эскадрон связи при штабе дивизии. С лошадьми пришлось помучиться: они не хотели ходить в узде, а тем более под седлом. Челикову достался монголец, по паспорту – Мурза. Владимиру кличка не понравилась, и он стал звать коня по-своему – Матвей, что даже больше подходило жеребцу. Лохматый, с широкими, как лопата, копытами, выносливый. На морозе не дрожал. Корм находил сам, разгребая снег. Владимир быстро подружился с Матвеем, всегда имел в кармане кусочек сахара или корочку хлеба. Казаки смеялись: «Ну и дружба у вас, не разольешь водой. Куда Челиков – туда и конь!» Действительно, где бы ни был Челиков, Матвей тут же оказывался рядом, дышал ему в затылок, старался губами дотронуться до руки, как бы говоря: «я тут, с тобой».

После взятия Ставрополя дивизия освобождала северные районы Краснодарского края. Дом рядом, рукой подать, но не вырвешься. Немцы поспешно отступали, боясь попасть в новый котел. Владимир с рассвета до заката не слезил с коня, ноги деревенели. Полки дивизии были растянуты на тридцать километров, связь прерывалась по нескольку раз в день. Дивизия получила приказ маршем, не ввязываясь в бой с противником, двигаться на Ростов. 8 февраля 1943 года форсировали реку Дон северо-западнее Ростова. Саперы наращивали лед, а Матвей спокойно шлепал и по тонкому льду. Челиков не дал обрезать копыта и упросил не подковывать Матвея. Подойдя к немецкому оборонительному рубежу на реке Миус, дивизия вступила в тяжелые бои в районе Матвеева кургана. Челикова несколько раз контузило, но он не покидал свой эскадрон. День-два отлежится – и снова на своем Матвее носится от полка к полку. В начале марта дивизия была выведена в резерв, пополнялась и готовилась к новым боям.

ТАГАНРОГСКИЙ И МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ РЕЙДЫ

В конце августа 1943 года 30-я кавалерийская дивизия в составе 4-го Кубанского корпуса была введена в прорыв немецкой обороны. Начался знаменитый Таганрогский рейд в оперативном тылу врага. Челиков спал по два-три часа в сутки, порой засыпал на ходу, ухватившись за гриву Матвея. 30-я дивизия пробилась к Азовскому морю и участвовала во взятии Таганрога. Каждую неделю командование ставило дивизии новые задачи по освобождению населенных пунктов Ростовской, Донецкой и Запорожской областей. Эскадрону связи за сутки приходилось преодолевать сотни километров. Выбившихся из сил лошадей заменяли свежими, только Матвей у Челикова вместе с ним стойко переносил все тяготы и лишения войны.

26 октября 1943 года 4-й Кубанский казачий корпус включился в Мелитопольскую наступательную операцию. 30-я кавалерийская дивизия вырвалась вперед, овладела населенным пунктом Новоалександровка, но потеряла связь со штабом корпуса. Группе связистов-конников во главе с Челиковым была поставлена задача восстановить связь. Пробиваясь через немецкие заслоны, теряя друзей, Челиков выполнил задание. Дивизия была перенацелена на Новогригорьевку, надо было срочно передавать в полки новые приказы. Когда полки в движении, телефонная связь мало действенна: бесконечные разрывы, гибель связистов. Остается надежда только на лошадь – надежную спутницу казака. Очищая от немцев Новогригорьевку, дивизия отсекла им пути отхода. Немцы непрерывно контратаковали, дивизия несла потери. Необходимы были согласованные действия, для этого командиром дивизии была поставлена задача установить надежную связь между полками. И снова ефрейтор Челиков с катушками на шее, под огнем противника восстанавливает десятки метров разрывов. Особенно трудно пришлось в районе сел Павловка и Ольгинка, которые находились в руках гитлеровцев. Немцы вели ураганный огонь из пушек и закопанных танков. Связь снова и снова прерывалась, эскадрон терял людей. Челиков, извиваясь змеей, со сбитыми в кровь коленями, в сапогах, полных набившейся земли, в порванных штанах и гимнастерке, снова и снова восстанавливал связь. И на этот раз судьба берегла его. Болтались провода катушек, иссеченные осколками и пулями, кирзачи – в дырах. После боя Владимир вытащил два осколка из записной книжки, которая хранилась в нагрудном кармане. Но задачу Челиков выполнил. Связь хоть и с короткими перерывами, но работала надежно. За бои в прорыве и обеспечение связи между дивизией и штабом корпуса ефрейтор Челиков В.И. одним из первых среди рядовых и сержантов корпуса был награжден орденом Славы III степени.

ПЕРЕКОП

Кубанский корпус получил приказ прорвать оборону противника на Перекопском перешее и захватить плацдарм для наступления на Крым. 1 ноября части корпуса вклинились в оборону противника, штурмом прорвали участок Турецкого вала и стали развивать наступление, но были контратакованы немцами. Когда 35-й кавалерийский полк оказался в окружении, начальник штаба корпуса приказал 23-му отдельному эскадрону срочно установить связь с полком. Благодаря выносливости и понятливости своего Матвея Челиков один сумел прорваться к полку. Вместе с полком выходил из окружения. 3 ноября при смене дивизией боевых позиций отдельный эскадрон попал под бомбежку. Разорвавшаяся невдалеке бомба крупным осколком поразила Матвея в голову. Он грохнулся на передние ноги. Челиков успел спрыгнуть, и конь завалился на бок. Владимир увидел большую рану около уха. Из глаз коня катились слезы, плакал и Владимир, приговаривая: «Прощай, Матвеюшка, сколько раз ты спасал мне жизнь, а я не смог уберечь тебя...» Челикова бил озноб, мышцы свело, скрючившись, он сидел около Матвея. Товарищи помогли, затащили лохмача в воронку и засыпали землей. Сверху привалили огромный камень, на котором штыком выбили: «Матвей».

После потери Матвея измотанного, исхудавшего, с расстроенной нервной системой Челикова положили в корпусной эвакуогоспиталь. Спал двое суток. Открыв глаза, увидел перед собой до боли знакомое лицо. Перед ним в белом халате стояла русоголовая, голубоглазая, с пухленькими щечками молодая дивчина, так похожая на сестру Тоню. Владимир захлопал ресницами, а сестрица опустила на колени, прижалась к его рукам и заплакала, повторяя: «Братик, Володенька!» Челиков по письмам отца знал, что сестра тоже на фронте, при эвакуогоспитале. Проговорили до вечера. На следующее утро Челиков соскочил рано, как будто и не было у него болезни. Как только пришла Тоня, он стал уговаривать ее перейти к ним в 30-ю дивизию. Она ответила: «Володя, я рада быть с тобой рядом. Ты знаешь, наши сообщили горестную весть: осенью прошлого года скончался наш отец. Старый казак донских корней не вынес надругательства фашистов над родной землей. Братишка Савелий год как на фронте, редактор армейской газеты. Недавно мне попала газета «За Победу», внизу написано: редактор – Савелий Челиков. Папа писал, что брат в редакции, поэтому догадалась, что это он. Отправила письмо, жду ответа. Ты, Володя, почему домой редко пишешь?» – «Пишу, сестрица, пишу. Когда отступали – стыдно было, а при наступлении – передохнуть некогда, не то что письмо написать. Я в эскадроне связи при штабе дивизии и при передвижках целыми днями на коне. Правда, несколько писем написал, но, видимо, ответные за нами не успевают. Сегодня же напишу».

По прибытии в свой эскадрон Челиков в тот же день пошел к командиру дивизии генералу Головскому В.С. с рапортом о переводе сестры в свою дивизию. Генерал сказал: «Это похвально, что два брата и сестра находятся на фронте, на передовой, но перевод дело хлопотное». На что Челиков ответил: «Я при выписке беседовал с начальником эвакуогоспиталя, он согласен: ведь не в тыловой госпиталь сестра просится, а на передовую. Я объяснил ситуацию начальнику медслужбы дивизии. Он сообщил, что в боях за Перекоп тяжело ранило фельдшера зенитного дивизиона, – он согласен». Генерал улыбнулся: «Чувствуется, что настоящий казак, своего добьется, но это святое дело, когда родные рядом – легче на душе. Давай рапорт, подпишу. Ты только начальнику штаба напоминай, чтобы не затерялся твой рапорт в донесениях». В феврале 1944 года Антонида была переведена в 30-ю кавдивизию.

НА НИКОПОЛЬ

В начале марта 1944 года дивизию от Сиваша перебросили в рейд на Никополь. Полки дивизии приняли участие в Березнеговато-Снигиревской наступательной операции. Из этих мартовских боев Челикову больше всего запомнилась переправа через реку Тилигул. Шел мокрый снег, в воде сводили судороги, ноги утопали в иле, бойцы проваливались в ямы и с головой уходили под воду. Солдатская смекалка и взаимовыручка спасала от верной смерти. Обвязывались веревками по пять-шесть человек и переправлялись через реку. Семь раз переходил Челиков Тилигул, таща на себе две катушки провода, телефонный аппарат, автомат с дисками. Восстанавливал связь под огнем противника, каждый раз рискуя жизнью. Мысленно подбадривал себя: «Ты герой, Челиков, герой всего Советского Союза».

ОДЕССА

10 апреля 1944 года части 4-го Кубанского корпуса в лихой конной атаке ворвались на юго-западную часть Одессы. В этом бою ефрейтора Челикова взрывной волной выбросило из седла. Потерял сознание, подобрала санитары. В госпиталь ложиться отказался. Неделю его возили в бричке при штабе дивизии, пока не оклемался. Из-под Одессы корпус повернули к румынской границе. После многодневных боев дивизия с ходу взяла узловую станцию Раздельная и преследовала отдельные части противника.

БЕЛОРУССИЯ

В середине апреля дивизию вывели во второй эшелон. 28 мая дивизия по железной дороге была переброшена в Белоруссию и приняла участие в Белорусской наступательной операции. Полки дивизии вели боевые действия на широком фронте. Эскадрону связи приходилось пробиваться по болотам, кони утопали по брюхо.

Челикову везло на лошадей. На этот раз ему попался легкий, поджарый кабардинец, которого, среди других приготовленных к отправке на кораблях из Одессы в Германию лошадей, казаки отбили у немцев. Какая была кличка – никто не знал. Челиков дал свою – Дончак, а звал ласково: «Доня, Доня». Конь легко перепрыгивал зыбучие места, вязкие речки, быстро вытаскивал легкие ноги из трясины. Когда рвалась связь, то эскадрон зачастую использовался как разведывательный. В одной из таких разведок Челиков с друзьями Сергеем Лысенко и Иваном Проценко попали под ураганный минометный обстрел. Когда Владимир выскочил на своем Доне из-под обстрела, друзей рядом с ним не было. При взятии Слуцка эскадрон проскочил городок на рысях, так как один из полков обошел Слуцк слева и надо было срочно устанавливать с ним связь. На окраине города увидели, как фашисты торопили пленных казаков рыть могилу, постреливая над их головами из автоматов. Отделение Челикова смяло гитлеровцев. Среди освобожденных казаков он узнал Сергея Лысенко и Ивана Проценко. Вместо лиц – сплошные кровоподтеки, у Ивана выколот правый глаз, а у Сергея вырваны ногти на обеих руках. Позже они рассказали, что немцы два дня их пытали. Отправиться в тыловой госпиталь оба отказались. Заявили: «Пока живы – будем мстить!» Ивана определили в коноводы, а Сергей, с перебинтованными руками, остался в эскадроне связи. Доказывал командиру эскадрона: «Руки, ноги, голова – на месте, а пальцы заживут! Повод и ложку в руках держать могу, остальное приложится». После этого при любом задании друзья всегда были вместе.

Ожесточенные бои разгорелись за город Столбцы, взятие которого закрывало гитлеровцам пути отхода на юго-восток, и минская группировка немцев оказывалась в окружении. На рассвете 2 июля 1944 года командир дивизии генерал Головской В.С. вызвал командира эскадрона связи и поставил задачу: «Пока полки дивизии будут вести уличные бои, вы должны проскочить огневой вал противника и, не ввязываясь ни в какие перестрелки, пробиться к железнодорожному узлу, где идет разгрузка боевой техники противника».

Огонь был очень плотный. С ржанием падали лошади. Преодолев линию обороны противника, конники двинулись к железнодорожной станции. Выехав на привокзальную площадь, командир эскадрона приказал отделению Челикова захватить западные выходные стрелки железнодорожных путей. Среди казаков нашлись путейцы. Подкладывая под стрелки связки гранат, взрывали и ломали разводили рельсы. Комендантский взвод станции пробовал организовать атаку, но был расстрелян в упор. Немцы стали разбегаться. Осматриваясь после боя, Челиков удивился, как они с Доней остались живы. Планшет и седло пробиты пулями, в изрешеченной фляжке ни капли чаю. Диск автомата раскурочен осколками. Чудеса, да и только. Была и печаль: половины эскадрона недосчитались после боя. Часть погибла на улицах города, а остальные здесь, в сражении за станцию.

Отдельные части корпуса, обходя город, переправились через Неман южнее и севернее мостов – железнодорожного и шоссейного. Срочно нужна была связь. Эскадрону поступила новая задача: переправиться через Неман и установить связь с подразделениями и частями. Передав железнодорожную станцию подошедшим частям, Челиков с товарищами выбрались из города к мосту. По железнодорожному мосту на конях не переправиться, а деревянный горел и простреливался из пулеметов. Однако другого пути не было. На лошади через полыхающий и простреливаемый мост – это смерти подобно. Лошади боялись огня, шарахались в сторону. Первым на мост заскочил Челиков на своем кабардинце. За ним последовали другие. Падали

горящие балки, преграждая дорогу. Казаки мчались по мосту под интенсивным огнем противника. Немецкая авиация начала бомбить мост, чтобы воспрепятствовать продвижению конницы и танков. Проскочив мост, Челиков вздохнул: «Слава Богу, пронесло!» Но когда отъехал метров двести вправо, рядом разорвалась 500-килограммовая бомба. Владимир слышал гул, почувствовал, как закачалась земля, а дальше – темнота. Сергей Лысенко видел, как падала бомба, успел спрыгнуть с коня в воронку. Когда Лысенко выбрался из укрытия, Челикова нигде не было. Побежал к тому месту, где перед взрывом находился друг, и увидел ремешок планшета, торчащий из земли. Стал разрывать землю руками. Кто-то подсунул саперную лопатку. Отрыл сначала ноги, затем туловище, а потом – с особой осторожностью – голову. Дыхания не было, рот и нос забиты землей. Сергей вытащил из-за голенища ложку, стал очищать рот, затем нос – втягивая и выплевывая землю. Начал делать искусственное дыхание. Хлопал по щекам, ушам. У Владимира дернулось веко. Сергей крикнул казаков, положили на плащ-палатку и стали подбрасывать. Владимир прошептал: «Больно...» Ехать в госпиталь Челиков наотрез отказался. Нашли среди казаков костоправа. Позвонки оказались смещенными. Сколотили из досок типа столешницы. Костоправ вправлял позвонки. Челиков кричал и впервые в жизни матерился. После этого привязали к доскам и так целый месяц возили в бричке за штабом дивизии.

БОИ НА ВЕНГЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

В начале сентября 1944 года 30-я кавдивизия в составе 4-го Кубанского казачьего корпуса была переброшена по железной дороге в район румынского города Яссы. Совершив марш по Румынии, дивизия вышла к венгерско-румынской границе севернее румынского города Арад. Здесь Челикова вызвали в штаб дивизии, и генерал Головской вручил ему орден Славы II степени за мужество и умелые боевые действия при захвате железнодорожного узла в городе Столбцы.

6 октября 30-я дивизия участвует в прорыве обороны противника. С ходу овладели городом Бекешчаба и на плечах противника ворвались в город Бекеш. Одновременно завязались бои за крупную узловую железнодорожную станцию Керештариа. После взятия станции дивизия получила приказ двигаться в направлении города Деречке и захватить крупный населенный пункт Орадеа-Маре. 12 октября, на рассвете, начался штурм городка. Бои шли целый день. К вечеру Челиков падал от усталости. Выпив кружку чая, свалился на плащ-палатку. Когда на другой день стали подсчитывать потери, Челиков недосчитался в своем отделении многих бойцов-товарищей. Завязались бои за город Дебрецен. Это третий по величине город Венгрии. В основном его обороняли венгерские части, и, надо отдать должное, дрались они с ожесточением. Каждый дом по нескольку раз переходил из рук в руки. Немцы подтягивали в Венгрию части из Германии. Венгрия была подбрюшием вермахта, его самым верным союзником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.